

А
Н. А. Добролюбов

Народные русские сказки

Издав А. Афанасьев. Выпуск III и IV. Москва. 1858.

Южно-русские песни

Киев. 1857.

Н. А. Добролюбов. Литературная критика

М., ГИХЛ, 1961

OCR Бычков М. Н.

После тупых и спесивых, браминообразных творений, излагающих *тепленькие* теории обезличения человека и предопределенности всего в мире¹ -- отрадно после них остановиться на труде, посвященном раскрытию внутренней, душевной жизни народа и исполненном добросовестно и с любовью, хотя и не без недостатков. К трудам подобного рода относим мы издание русских сказок г. Афанасьевым и киевское издание малороссийских песен, с нотами, -- *з голосами*, как сказано на заглавном листке. Кто любит свой народ и не ограничивает его тесным кругом людей, получивших европейское образование, тот поймет радость, с какою приветствуем мы в литературе всякое порядочное явление, имеющее прямое отношение к народной жизни.

Нашей радости не разделят, конечно, высокоученые мужи, погруженные в глубокие соображения о предметах гораздо высшей важности. Эти господа с улыбкой пренебрежения смотрят на труды, подобные труду г. Афанасьева, потому что не видят в них строгой разборчивости, достойной высших представителей наук и художеств. И как же иначе? Вся деятельность этих господ посвящена служению *общих* и *чистых* интересов отвлеченной науки и искусства. Для них важно все, что может составить звено в созданной ими системе, все, что составляет шаг вперед в науке, понимаемой так, как она создалась в головах их. Живые обыкновенные личности, как бы их ни было много и какое бы важное значение в жизни и в истории народа ни имели они, -- не могут привлечь их высокого внимания; простая, действительная жизнь, без мудрствований и прикрас, с ее естественными потребностями и стремлениями, не удовлетворит их разборчивого вкуса. Им нужны идеалы в жизни и в истории, им важно только то, что составляет совершенство или приближается к нему в искусстве и в науке. Простые, обыкновенные явления уже не могут занимать их просвещенный ум, нежить их утонченный, облагороженный вкус. Они уже переросли тот период, когда человек отдается живым впечатлениям *низших* чувств; они теперь уже предались чистейшим наслаждениям, руководятся высшими интересами, живут мировыми идеями, и вследствие того брезгают нашей смиренной, обыденной действительностью. С этой точки зрения они восстанут и против *полных* сборников произведений народной поэзии, находя в ней недостаток просвещенных понятий и эстетического вкуса. Они говорят: "Что за охота нам, образованным людям, слушать народную балалайку после величественного концерта в певческой капелле или смотреть на балаганную комедь после трагедий Шекспира?.. Так точно -- что для нас могут значить русские народные сказки, когда мы воспитаны на Гомере, Данте, Байроне и т. д.? что можем найти в малорусских песнях мы, приучившие свое сердце биться сильнее при звуках Шиллера или Гейне? Да если из патриотизма и ограничиться только своим, так разве нет у нас Пушкина, Лермонтова? Разве все, что можно взять из народной поэзии, не усвоено уже *нашей, высшей* литературе Кольцовым? После этого какое же нам дело до этих грубых, необразованных, неизящных произведений, которыми потешается младенческая фантазия народа? И к чему в печатной литературе эти сборники, да еще изданные так внимательно, с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и пр., как это делает, например, г. Афанасьев? Пусть бы пропадали эти песни и сказки или по крайней мере вечно оставались в том кругу, в котором родились они. Если же непременно хотят уж показывать нам образчики народной поэзии, то разве нельзя ограничиться выбором двух-трех сказок, десяти или пятнадцати песен да сотен двух пословиц, которые поизящнее да поумнее? А то -- великое утешение для образованного человека, ищущего в литературе полезного и приятного препровождения времени, -- велико для него утешение -- вдруг встретить грубую, неумытую мужицкую речь, не только во всей ее простоте, но даже с соблюдением всех искажений, сделанных местным наречием! Это просто ужас! Это еще хуже, чем мужицкие повести, которыми литература потчевала нас лет пять тому назад... Еще можно бы было одобрить такое издание, в котором собраны были произведения, имеющие поэтическое достоинство, вроде, например, макферсонова Оссиана, или

А